

ПРОЛОГ

Она была так стара, что давно потеряла счет времени. В крохотной избушке посреди густого леса оно давно перестало течь как положено, а капало еле-еле, с каждым днем все более замедляясь.

Одно несомненно — она была куда старше этого мира и еще помнила и как все сущее вылушилось из яйца, и какая чехарда началась после.

Позади было многое: восемь мужей и двадцать семь детей, а уж внуков с правнуками и вовсе не счесть.

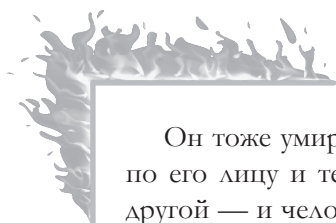
Сейчас ее разум угасал, а тело становилось все более дряхлым. Не хватало сил встать и смахнуть паутину, не хватало желания жить, и она лежала на остывшей печи и ждала, когда все наконец завершится, — безобразная слабая старуха, ни о чем не жалеющая.

Умирать было довольно скучно, и ее терпение истончалось.

Маленькая соломенная кукла тихо напевала ей колыбельные, которым вторила вьюга за тонкими стенами, и вой волков звучал похоронно.

Грохот распахнувшейся двери показался громовым. Ненужным. Лишним.

Кряхтя и морщась, она повернула голову, чтобы увидеть незваного гостя.

Он тоже умирал, какое совпадение. Кровь струилась по его лицу и телу, пахло волками и отчаянием. Шаг, другой — и человек рухнул прямо посреди ее избушки, лицом вниз, страшные раны на спине, изорванная в лохмотья одежда.

Она давно научилась смирению и сейчас не собиралась роптать. Заставила себя сесть, откинула назад грязные серые космы, спустила худые ноги на пол. Прошаркала валенками, безотчетно сжимая в руках соломенную куколку, которая все напевала и напевала, ибо ничего другого не умела. Склонившись над человеком, с трудом перевернула его, протерла соломой лицо, убирая кровь.

Совсем еще мальчик.

Тот, кто заберет последние крохи ее сил, прощальный подарок судьбы — наконец-то она сможет покинуть этот мир.

И, склонившись над бесчувственным телом, безобразная старуха нежно поцеловала гостя в лоб, отдавая ему все, что у нее осталось.

Авось и выживет.

* * *

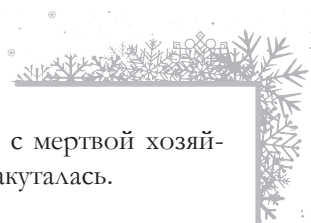
Пот древней старухи, кровь молодого мужчины, слюна волков и солома: так я пришла в этот мир.

Прежде у меня был только голос, а теперь появилось тело — большое, человеческое, плотное, нелепое. Я не умела им пользоваться, не знала, как оно работает. Сделала шаг — упала.

Подняла руки, осмотрела. У старухи они были дряблые, покрытые морщинами и пятнами. А у меня — белые, тонкие, гладкие. Волосы падали на лицо — не серые, как у нее, а соломенные, светлые.

В хижине было холодно, и я впервые поняла, какво это. Замерзла.

СОЛОМЕННОЕ СЕРДЦЕ

Передвинувшись по полу, стянула с мертвой хозяйки длинную лохматую телогрейку. Закуталась.

Человек лежал рядом. Дышал.

Вот как, значит, выглядят другие лица.

С трудом поднялась, нашла в углу немного дров. Руки плохо слушались, разжечь огонь удалось не сразу. Вспыхнувшее пламя напугало: вот что такое страх.

Закрывает дверь. Волки выли, но я знала, что не тронут. Я чувствовала их, а они — меня. Мы были меньше, чем стаей, но понимали друг друга.

Оглянулась на два тела на полу.

Опустилась перед незнакомцем на колени, положила ладони на бледное лицо. Запела колыбельную.

Что еще я умела?

ГЛАВА I

Пять лет спустя

— Поля-Поленька-Полюшка! По-о-оле-е-ень-ка-а-а...

Голоса кружились рядом, звали, меняли интонации, подбирали ту самую, на которую она обязательно отзовется.

Такое уж это было место, Гиблый перевал. Никому не удавалось удержаться и не шагнуть в пропасть. Никому, кроме нее.

Поля вела грузовую фуру медленно, серпантин был узким, а горы нависали так низко, что едва не царапали крышу кузова. Привычно сосредоточившись на дороге, она мурлыкала колыбельные себе под нос, не особо прислушиваясь к зову духов, которые без усталости все прощупывали и прощупывали ее воспоминания, чтобы найти самого родного, самого любимого человека и заговорить его голосом. Но все их попытки были тщетны: за пять лет человеческой жизни Поля так и не испытала серьезных привязанностей и порой ощущала, что ее сердце все еще набито соломой.

* * *

Впервые на Гиблый перевал она попала три года назад, когда Егорка, заскучав, вдруг придумал: «А давай посмотрим, что это за чудо такое и почему взрослые запрещают туда соваться».

Младшему княжескому отпрыску едва стукнуло восемь. Поля, хотя и считалась старше, совершенно этого не ощущала. И человеческие чувства, и этот мир, и математика с письмом — все для нее было в новинку.

История лесной девчонки потрясла город из янтаря и черного камня. Юная дикарка, которая никогда не покидала крохотной избушки и выросла, не зная никого, кроме сумасшедшей бабки, несколько месяцев не покидала газетных передовиц. Сенсация создала столько шумихи, что княжеская семья решила воспользоваться случаем и проявить милость, приняв бедняжку под свое крыло.

По правде говоря, в этом не было такой уж необходимости, никто и никогда не бросил бы сиротку на произвол судьбы. Дети — свои ли, чужие — считались даром богов, и каждый житель Первогорска готов был принять Полю под свой кров и разделить с ней все, чем владел. Таковы были традиции гор, таковы были здешние люди. Поле просто не повезло попасть в единственную семью в городе, в которой царили совсем другие нравы.

И хотя она, приемный ребенок княжеского рода, жила в роскоши, все равно оставалась в просторном доме пришлой. Для всех, кроме Егорки, едва ли не с первого дня прилипшего к ней баннным листом. Мальчишку не пугало, что новоявленная сестрица ничего не знала и не умела, чаще пела, чем разговаривала, а когда сильно пугалась, рычала по-волчьи. Скорее уж это восхищало его безмерно.

А потом он придумал полезть на Гиблый перевал, и это все изменило.

* * *

Впереди показались сторожевые вышки, и Поля невольно прибавила скорости. Голоса духов становились все тише и тише, пока не исчезли совсем. Нейтральная зона занимала всего пару километров, и некоторое время спустя фура остановилась на площадке контрольно-пропускного пункта.

Открыв дверь, Поля спрыгнула вниз, с удовольствием потягиваясь. Женя Петровна, начальник КПП, уже спешила к ней, и было что-то непривычно стремительное в этой флегматичной немолодой женщине.

— Поля, — сказала она с необычайным волнением, — Андрей Алексеевич распорядился, чтобы ты пулей к нему, как только вернешься. Да и мне велено с тобой.

— Прямо пулей? — Поля скисла. — А мы же вроде ничего такого не делали, да, Женя Петровна? Мы же вроде нигде ни в чем не виноваты.

Любой вызов к князю не обещал ничего хорошего, а уж такой срочный тем более.

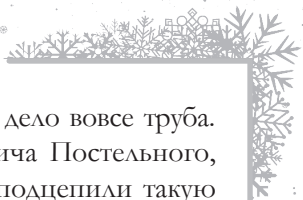
Сотрудники КПП уже открывали фуру, чтобы тщательно осмотреть товары, доставленные из Загорья. Осмотр обычно занимал около двух часов, во время которых Поля пила чай и слушала байки. Потом ей нужно было перегнать тяжелый грузовик в Первогорск, а там она могла бы пару дней отдохнуть, прежде чем отправиться в обратный рейс.

— Да едем же, — поторошила ее Женя Петровна. — А фуру мальчики на склад отгонят. Да вон хоть Петька.

— Есть отогнать фуру, Женя Петровна! — глухо донеслось откуда-то из кузова.

— Машину хоть прислали или требуют на ковер своим ходом? — уточнила Поля.

— Сам Постельный за нами примчался. — Собеседница округлила глаза.

Ну если еще и сам Постельный, то дело вовсе труба.

Где предки Александра Михайловича Постельного, подручного князя по всем вопросам, подцепили такую фамилию, догадаться было несложно, но проявлять фантазию крайне не рекомендовалось. Был этот человек мнителен и обидчив, а также расторопен, энергичен и влиятелен.

Погладив на прощание родную фуру по теплому боку, Поля поплелась вслед за Женей Петровной на стоянку. Предъявила пропуск на выходе — формальности прежде всего, будто ее не знал тут каждый в лицо.

После их с Егоркой вылазки на Гиблый перевал правила на КПП сильно ужесточилась. Всю прежнюю команду отправили на дальние штольни, а Женя Петровна самым неожиданным для себя образом получила повышение.

Слышанное ли дело! Двое детей пробрались на закрытую территорию и чуть не ухнули насмерть в пропасть.

Егорку-то сразу повело, едва они бегом преодолели нулевую зону и голоса духов зазвенели в воздухе. Позже он говорил, что слышал и маму, и старшего брата Даньку, которого толком и не помнил, и саму Полю, хоть она была рядом, вот и рванул к обрыву. Поля прежде о Гиблом перевале и его особенностях не слышала вовсе, поэтому не сразу сообразила, что происходит с мальчишкой, но за воротник привычно ухватила, чтобы далеко не убежал. С этим сорванцом всегда приходилось держать ухо востро.

Спутанным комом прокатились они по камням, хо-рошенько подрались, но Поля победила. Утащила Егорку из-под влияния смертельных духов, хоть он и сопротивлялся дико, отчаянно.

Обратно выбрались ободранные, уставшие и грязные. Ох и влетело им после!

* * *

Постельный был за рулем собственной персоной; дремал в закрытом автомобиле с официальной янтарно-черной символикой.

Кондиционер работал на полную катушку, и в салоне было ужас как холодно. Распаренная на жару, Поля сразу замерзла; тонкая майка, намокшая на спине от пота, моментально заледенела.

— Александр Михайлович, — взмолилась она, — подкиньте дров, а то так и околеть недолго.

Вместо того чтобы подкрутить датчик температуры, он молча перекинул ей на заднее сиденье свой казенный китель, сам оставаясь в белоснежной рубашке. Все это ему нипочем.

Закутавшись в чужую форменную куртку, пахнущую резким одеколоном, Поля пригляделась к подручному по всем вопросам, пытаясь угадать его настроение. Дело заведомо провальное: человеческие лица и их выражения все еще оставались для нее загадкой. Худой, лысый, некрасивый — Постельный всегда, на ее взгляд, выглядел одинаково сурово.

Женя Петровна лишних вопросов не задавала, понимая бесполезность затей, и ехала молча, дисциплинированно выпрямив спину. Привалившись головой к ее плечу, Поля задремала, а в ушах все еще завывало: «Поля-Поленька-Полюшка...»

Чаще всего духи Гиблого перевала манили ее голосом Данилы Лесовского, старшего княжеского сына, который, собственно, и подарил ей имя.

Снилась избушка в глубине дикого леса.

Человек, пришедший из ниоткуда, сидел на полу, привалившись к печке спиной, той самой, на которой еще недавно живого места не оставалось, все было изодрано, покусано.

— Ты живешь здесь? С бабушкой?

Она понимала его, но в голове крутились только обрывки колыбельных, которые никак не складывались в отдельные слова.

Между ними лежало мертвое тело старухи, непослушное, тяжелое, жесткое.

— Как тебя зовут?

— Ты... спрашиваешь мое имя? — пропела она. — У меня его нет пока.

— Нет имени? Так разве бывает? Ты ведь уже совсем взрослая! Сколько тебе? Тринадцать? Пятнадцать? Тогда я тебе его подарю. Давай-ка посмотрим. Волосы как золотистое пшеничное поле. Глаза как небо. Будешь Полей. Поля-Поленька-Полюшка...

* * *

— Поля, подъем. Вот беззаботная стрекоза, дрыхнет! Александр Михайлович, вы посмотрите на нее! Как будто не к князю едет, а к любимой бабушке!

— Прибыли? — Поля сонно посмотрела в окно — так и есть, засилье черного камня повсюду.

— Александр Михайлович, вы хоть подскажите, чего ждать-то от жизни? — все-таки не выдержала Женя Петровна, которая наверняка князя только издалека и видела, — мелковатой она была сошкой, как ни крути.

Поля своего приемного благодетеля лицезрела минимум раз в неделю, когда попадала на семейные ужины, поэтому робела куда меньше. Но в официальной горной управе ей доводилось бывать всего дважды.

Впервые она прошла по древним гербовым коврам в тот день, когда они с Егоркой еле выбрались с Гиблого перевала. Колени и локти были замотаны бинтами и облеплены пластырями, щиколотка распухла, го-

лова болела — неслабо она приложила ею о камни. Рядом хромал Егорка, хлюпая носом от страха, — был уверен, что их сразу засадят в тюрьму на веки вечные.

Как и тогда, сегодня князь ждал их в рабочем кабинете. Поля узнала портреты предков Лесовских на стенах, огромную карту с горными хребтами, лесами и реками, вторую карту — с карьерами и рудниками. На продолговатом овальном столе покоились аккуратные стопки документов.

* * *

Три года назад князь не удостоил младшего сына даже взглядом, все его внимание было приковано к приемной дочери.

— Как ты смогла выбраться с перевала?

Она сделала шаг вперед, закрывая собой Егорку.

— Я не поняла, Андрей Алексеевич, — проговорила растерянно. Голос у нее всегда был мелодичным, певучим, плавным, поэтому речь текла медленнее, чем у остальных людей. — На нас вдруг ополчилось множество духов, они звали с собой Егора прямо к обрыву.

— А тебя? Не звали?

— Ну так я их не особо и слушала. Когда мне было, за этим балбе... за княжичем бы уследить.

Он смотрел на нее пронзительно, цепко:

— Сможешь туда вернуться?..

* * *

Что понадобится князю на этот раз?

Поля только позже поняла: он ведь тогда почти отправил ее на верную смерть.

Пятнадцать лет назад Гиблый перевал был вполне оживленной дорогой, которая носила название Болтливый язык — из-за того, что вихляла туда-сюда. А потом

с гор сошла снежная лавина, унеся с собой сто пятнадцать живых душ. Люди ехали в Загорье на ярмарку — три полных автобуса, автомобили, даже велосипеды. Никого не пощадила стихия. И с тех пор их душам все неймется, все пытаются увлечь за собой новых жертв.

И когда-то богатое Загорье с его пастушьими пастбищами, охотничьими угодьями, рыболовными хозяйствами, с серебряными рудниками и традиционными промыслами оказалось полностью отрезанным от внешнего мира — Болталивый язык, ставший Гиблым перевалом, был единственной дорогой Загорья, окруженного со всех сторон непроходимыми хребтами.

* * *

— Как прошел рейс? — князь, вопреки обыкновению, решил начать встречу с вежливой беседы.

Женя Петровна и Постельный ненавязчиво пытались слиться с интерьером.

В кабинете был еще один человек, он беззастенчиво дрых на диване, отвернувшись ото всех. Узкая спина, длинные черные волосы, стянутые в хвост, серый комбинезон геолога, тяжелые горные ботинки, валявшиеся на полу, — вот и все, что было видно.

Наглец, однако.

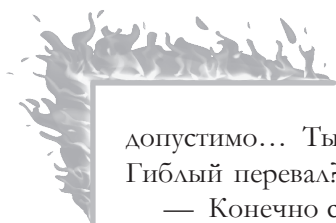
— Рейс? Как обычно. — Поля пожала плечами. — Хотите шутку, Андрей Алексеевич? В Загорье называют Загорьем наше Плоскогорье, потому что с тамошней точки зрения именно мы находимся за горами.

Постельный закашлялся.

Что? Она опять ляпнула что-то не то?

Человеческие правила такие сложные!

— Этой шутке лет триста, Поля, — устало сказал князь. — Я помню, что они предпочитают называться Верхогорьем, но с политической точки зрения это не-

допустимо... Ты сможешь сегодня еще раз проехать Гиблый перевал? — спросил безо всякого перехода.

— Конечно смогу, — ответила она без раздумий, — что тут сложного? Рули себе и рули. Срочный груз?

— Очень срочный и очень груз. Буквально непосильная ноша. Надо доставить вот эту посылку, Поля. — Князь хмыкнул, поднялся из-за стола, подошел к дивану и резко дернул за хвост спящего.

Тот брыкнулся, бестолково взметнув длинные руки, резко сел, тараща глаза.

Данила Лесовский, старший княжич.

Тот, кто подарил ей имя и привел в город из янтаря и черного камня. Тот, кого она с тех пор и не видела, — ищи ветра на карьерах.

Ну разумеется, кто еще мог дрыхнуть в этом кабинете!

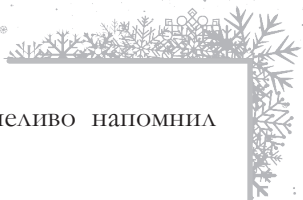
— Вы хотите доставить за перевал живого человека? — уточнила Поля. — Тогда три условия. — И вытянула шею, чтобы получше разглядеть Данилу.

Хотя ей и раньше говорили, что нельзя слишком внимательно рассматривать людей, она то и дело об этом забывала.

Пять лет назад она еще ничего в этом не понимала, но с тех пор видела много разных лиц и решила, что это лицо вполне симпатичное.

Насколько Поля помнила, старшему княжичу недавно исполнилось двадцать три года. Он редко бывал в Первогорске, поскольку вырос в другой семье, куда его отдали взамен ребенка, случайно погибшего на торжестве в доме князя. А последние годы и вовсе болтался по рудникам, карьерам и штольням, договариваясь с духами.

— Поля... — протянул Данила с удивленной радостью. Признал, стало быть, дикарку из леса. — Поля-Поленька-Полюшка!

— Какие три условия? — нетерпеливо напомнил о себе князь.

Ах да.

— Живого человека я повезу через перевал в грузовом отсеке, крепко связанного и желательно после хорошей дозы снотворного, — объявила она.

Лицо Данилы вытянулось.

— Это обязательно? — спросил князь.

— Помните Бойко?

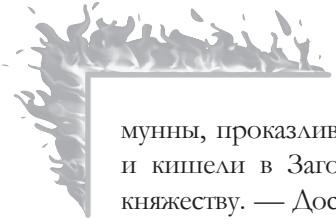
Два года назад молодой врач решил отправиться в Загорье лечить пациентов. Тогда Поля была так беззаботна, что усадила его на пассажирское сиденье фуры, лишь приковав наручником к металлическому поручню, предназначенному для легкого подъема в салон. Ей казалось, что этого достаточно для его безопасности, выпрыгнуть в обрыв всяко не сможет. Кто мог знать, что Бойко, выхватив у нее руль, отправит вниз фуру целиком? Поля едва успела вылететь на ходу из салона, сто раз похвалив себя, что поленилась пристегнуться.

О том, в каком состоянии она добралась обратно на КПП, страшно было вспоминать. Ползком, со сломанной ногой, под палящим солнцем, с сотрясением. Шрамы так и остались.

— Бойко помню, — хмуро согласился князь.

— А что, — без особой надежды поинтересовался Данила, — разговаривающего с духами тоже будут упакowyвать, как свиной окорок?

— Особенно разговаривающего с духами. Александр Михайлович, — велел князь подручному, — подготовьте детей к отъезду. Евгения Петровна, позаботьтесь о том, чтобы автомобиль не досматривали на КПП. Я хочу, чтобы этот рейс, а особенно его пассажир, оставался в тайне. — Поля скептически промолчала. Так или иначе

мунны, проказливые духи вранья и сплетен, которые так и кишели в Загорье, обязательно разнесут новость по княжеству. — Доставишь моего сына напрямиком в Лунноярск, — продолжил князь, когда Постельный и Женя Петровна вышли из кабинета. — Держи адрес. Потом по своему усмотрению, но к четвергу ты должна вернуться, у тебя рейс.

— Ага. — Поля сунула бумажку в карман штанов, гадая, что же натворил старший княжич, раз его так поспешно выпроваживают куда подальше.

Интересно, это ссылка, политическая воля или Даниле приходится убегать?

ГЛАВА 2

Разлепив глаза, Даня облизал пересохшие губы. Голова болела. Низкое солнце било прямо в лицо. Во влажной духоте одежда липла к телу, руки и ноги затекли от долгой неподвижности.

Он находился на заднем сиденье автомобиля. От водителя его отделяла надежная решетка. Эту колымагу явно позаимствовали у тех, кто перевозил преступников. Усмехнувшись, Даня подумал, что это вполне в отцовском духе.

Между прутьями мелькнула круглая, почти детская мордашка Поли.

— Очнулся, княжич? Кажется, снотворного тебе двойную дозу вкололи, чтобы наверняка. Скоро стемнеет, а ты только в себя приходишь.

— Где мы? — хрипло спросил Даня.

— Нейтральная зона в двух километрах от Верхогорья. Как ты? Не чувствуешь непреодолимого желания сигануть с обрыва?

— Пить хочу.

Хлопнула передняя дверь, открылась та, что рядом с ним. Поля нависла сверху, бдительно заглянув ему в лицо, — опасливая.

У нее были странные глаза — небесно-голубые, но пугающе невыразительные. Однажды Дане довелось